

Тан Шэнь получил письмо, помеченное как чрезвычайно важное: тайный гонец мчался день и ночь, чтобы доставить его в Ючжоу всего за сутки. Тан Шэнь отнёсся к посланию со всей серьёзностью и нетерпеливо распечатал его, но, едва глянув внутрь, онемел: «...»

В письме было лишь две короткие строки:

«Елюй Шэгэ питает страсть Лунъян. Господин Тан поистине проявляет высшее проникательство».

Тан Шэнь в полном молчании сжёг письмо, думая про себя: «Откуда мне было знать, что он питает страсть Лунъян? Я вовсе не специально поменялся с тобой. И что значит "проявляет высшее проникательство"? Даже если бы Елюй Шэгэ не питал эту страсть, управа Сицзинь всё равно остаётся тигриным логовом. Ты уже там, неужели струсил перед каким-то вторым принцем?»

Когда Тан Шэнь получал это письмо, рядом находился Ван Чжэнь, и Тан Шэнь не стал ничего от него таить.

Заметив недовольство на лице Тан Шэня, Ван Чжэнь спросил:

— Что произошло?

Тан Шэнь помолчал, а затем, недовольно поджав губы, словно жалуясь, пересказал Ван Чжэню всё, что сообщил Су Вэньюнь.

Тан Шэнь искренне чувствовал свою невиновность:

— Скажи, старший шисюн, этот Елюй Шэгэ питает страсть Лунъян от рождения, я ведь не заставлял его! Су Вэньюнь всё равно собирался отправляться в управу Сицзинь, при чём тут я? Его тоже никто не принуждал.

Ван Чжэнь слегка нахмурился и ничего не ответил.

— Шисюн? — окликнул его Тан Шэнь.

Ван Чжэнь, словно очнувшись от раздумий, произнёс:

— Какова сейчас обстановка в управе Сицзинь?

Оставив эту тему, Тан Шэнь перешёл к положению дел в управе Сицзинь:

— Су Вэньюнь довольно умел, жаль только, что ему не удалось переманить на свою сторону Сяо Чжэня. Изначально я думал лишь подставить Сяо Люя с помощью убийц, чтобы через это наладить связь с Сяо Чжэнем. Но времени было в обрез, точного плана я придумать не успел — была лишь задумка. А Су Вэньюнь воплотил её целиком.

— Знаешь ли ты, почему Его Величество благоволит Су Вэньюню? — спросил Ван Чжэнь.

Тан Шэню стало любопытно:

— Почему?

Чжао Фу любил Ли Цзиндэ за многочисленные военные заслуги и отсутствие амбиций — тот лишь жаждал перебить всех людей Ляо. К себе же Тан Шэнь тоже понимал отношение

государя: он занимал незначительную должность, не имел связей и при этом отлично умел льстить, так что Чжао Фу без опаски давал ему поручения. Что касается Ван Чжэня, благосклонность императора к нему объяснялась тем, что Ван Чжэнь угадывал любые желания Чжао Фу.

Всё, что Чжао Фу хотел сделать, ещё не сделал или планировал сделать, Ван Чжэнь исполнял безупречно.

Даже если бы императором был не Чжао Фу, любой правитель неизбежно приблизил бы к себе Ван Чжэня.

Но как же Су Вэньюнь?

Ван Чжэнь бросил взгляд на небо — тучи снаружи заслонили луну — и указал пальцем ввысь:

— Ночь сгустилась. Всегда есть вещи, которые Его Величество не может совершить открыто, но очень хочет. А Су Вэньюнь — человек без каких-либо граней. Ради достижения великой цели он беспрекословно жесток и не гнушается никакими средствами. Такого человека Его Величество, разумеется, ценит и охотно использует.

Тан Шэнь словно невзначай заметил:

— Ради великой цели не гнушаться ничем... Шисюн, а совершал ли он что-то действительно жестокое?

Ван Чжэнь спокойно посмотрел на Тан Шэня и непринуждённо улыбнулся:

— Всё, что ты только можешь вообразить из желаний императора, которые тот не мог воплотить открыто, исполнял для него Су Вэньюнь.

Тан Шэнь вздрогнул. Он усмехнулся и перевёл тему:

— И кому из вас — Су Вэньюню или тебе, шисюн, — Его Величество доверяет больше?

Ван Чжэнь, казалось, на мгновение задумался над неразрешимым вопросом.

Он долго и серьёзно размышлял, прежде чем переспросить:

— Хотя не следует попусту гадать о помыслах государя, но раз мы здесь только вдвоём, вреда не будет. Как думает младший шисюн, кого Его Величество любит больше?

Разве над этим нужно думать?

Тан Шэнь выпалил без колебаний:

— Я, конечно же, на твоей стороне, шисюн. Как бы ни относился к этому Его Величество, для меня Су Вэньюнь не стоит и десятитысячной доли тебя.

Тан Шэнь говорил с глубокой искренностью, взгляд его был абсолютно правдив.

Ван Чжэнь молча пристально смотрел на него, в его глазах накопилась глубокая нежность, и вдруг он улыбнулся.

Сердце Тан Шэня ёкнуло, и он спросил:

— Чему ты улыбаешься, шисюн?

— А какую же долю в сердце младшего шисюна занимает Су Вэньюнь? — спросил Ван Чжэнь.

Тан Шэнь ответил не задумываясь:

— Какую долю? Никакой!

В его сердце не могло быть Су Вэньюня, они даже друзьями не являлись.

Ван Чжэнь со вздохом произнёс:

— Выходит, и для меня в твоём сердце нет места.

— А?

— Младший шисюн сказал, что в его сердце Су Вэньюнь не стоит и десятитысячной доли меня. Иными словами, сравнивая нас, ты считаешь меня в десять тысяч раз важнее. — Ван Чжэнь изобразил растроганность, но почти сразу же продолжил с затаённой обидой: — Но если Су Вэньюнь равен нулю, то десять тысяч раз по ноль — разве не всё тот же ноль?

Тан Шэнь: «...»

«Я понял, что ты силен в арифметике, можешь замолчать».

Было уже поздно, Ван Чжэнь не стал больше задерживаться, и Тан Шэнь пошёл его проводить. Прощаясь у дверей комнаты, Ван Чжэнь произнёс:

— Младший шисюн, хоть уже и наступил шестой месяц, но в запредельном Ючжоу весны не бывает, а вот Шэнцзин совсем иное дело. «Весенний ветер не преодолеет застав Юймэнь» — через несколько дней, когда вернёшься в Шэнцзин, переоденься как следует, не ходи как обычно.

Тан Шэнь опешил:

— Шисюн?

Ван Чжэнь улыбнулся:

— Не провожай.

Тан Шэнь остался у дверей, провожая Ван Чжэня взглядом.

Вернувшись в комнату, Тан Шэнь нахмурился. Он долго размышлял, а затем беспомощно вздохнул: «Очевидно же, что хотел что-то сказать, но недоговорил. Ван Цзыфэн действительно... Уже четыре года прошло, а он всё не может заговорить нормально!» Впрочем, Тан Шэнь понимал: о некоторых вещах Ван Чжэню говорить неудобно, да и нравилось ему дразнить его таким образом. Видя ошеломлённое и растерянное лицо Тан Шэня, тот, должно быть, испытывал немалое чувство удовлетворения.

Нельзя было винить Тан Шэня за постоянные попытки поддеть шисюна: Ван Цзыфэн сам вечно его поддразнивал, вот Тан Шэнь и пытался изредка отплатить ему той же монетой.

«В Шэнцзине что-то изменилось? И что же именно там не так?»

Если значение последних слов Ван Чжэня Тан Шэнь ещё сумел примерно разгадать, то их предыдущие разговоры о Су Вэньюне заставили его лицо постепенно омрачиться. Он вспомнил все сведения, которые собирал за последние годы о бывшем наследном принце, Великом ученом Чжуне, о покойном императоре, покойной императрице и даже об том дворцовом перевороте.

Су Вэньюню в этом году исполнилось лишь двадцать шесть, так что к перевороту тридцатиоднолетней давности он, разумеется, отношения не имел. Но Ван Чжэнь сказал, что Су Вэньюнь бесприкословно жесток и не гнушается никакими средствами. Всё, что Чжао Фу желал сделать, но не мог выполнить открыто, поручалось Су Вэньюню.

«В словах шисюна содержится какой-то намёк. События тридцатиоднолетней давности не связаны с Су Вэньюнем. Но тогда пять лет назад... гибель Чжун Тайшэня в тюрьме... не его ли это рук дело?»

Тан Шэнь прикрыл глаза и тяжело вздохнул. Стоило закрыть глаза, как в ушах снова раздался тихий, беспомощный голос, с усмешкой и досадой произносящий: «Иди же!»

К сегодняшнему дню Тан Шэнь почти забыл некоторые слова, сказанные ему когда-то Лян Сунем, но отлично помнил, как тот снова и снова повторял: не вмешивайся в дела бывшего наследного принца. Лян Сун лишь желал, чтобы Тан Шэнь мирно жил богатым человеком, и, даже идя на смерть ради справедливости, не хотел втягивать его в эту бездну.

«Но как я могу стоять в стороне?»

Чем глубже он узнавал детали того дворцового переворота, тем больше у него холодела душа.

Лян Сун считал, что Чжун Тайшэня оклеветали, а значит, и бывший наследный принц пострадал незаслуженно. Но в те времена фракция наследного принца находилась на вершине могущества. Каким бы ни был Чжао Фу, в одиночку сокрушить её он бы никогда не смог. За его спиной определенно стоял кто-то ещё.

Какова же правда на самом деле?

Это тигриное логово, но Тан Шэнь обязан проникнуть туда в одиночку.

Тем временем Ван Чжэнь, вернувшись к себе, не стал сразу ложиться спать. Он вызвал чиновника Приказа серебряных ассигнаций Линь Сюя. Линь Сюй почтительно поклонился, и Ван Чжэнь спросил у него:

— Сколько человек из тех, кто отправился в Верховную столицу Государства Ляо в двенадцатом месяце прошлого года, всё ещё остаются там?

Линь Сюй назвал число.

— И подумать только: я до сих пор не знал, что второй принц Елюй Шэгэ из Государства Ляо питает страсть Лунъян, — задумчиво проговорил Ван Чжэнь.

Услышав это, Линь Сюй тоже обомлел и невольно взглянул на Ван Чжэня. Ему было известно, что Ван Чжэнь сам питает страсть Лунъян — об этом догадывались многие чиновники. К чему же тот вдруг заговорил об этом?

— Господин шаншу, нижний чин тоже слышит об этом впервые, — ответил Линь Сюй. — У

Елюй Шэгэ в поместье есть наложницы, так что дело, вероятнее всего, не так просто.

— Принц государства, даже со страстью Лунъян, всё же должен скрывать это, — порассуждал Ван Чжэнь и прибавил: — Кажется, Второй принц Елюй Шэгэ проявляет немалый интерес к «сыну» Цяо Цзю?

Об этом Линь Сюй тем более ничего не знал.

Ван Чжэнь с улыбкой сказал:

— Им всё равно предстоит встреча, и Су Вэньюнь наверняка примет меры предосторожности. Одной лишь хватки за горло левого пинчжан чжэнши может не хватить, чтобы довести дело до совершенства. Пошли кого-нибудь в управу Сицзинь передать Су Вэньюню: господин Тан с минуты на минуту отправляется обратно в столицу, так что пусть сам решает, показать ли «сына» Цяо Цзю или устроить тому скоропостижную смерть.

— Как именно мне передать это? — спросил Линь Сюй.

Ван Чжэнь немного подумал:

— Передай прямо мои слова.

<http://bllate.org/book/18292/1757401>